

ПОЗНАВШИЙ ЧЕЛОВЕКА

К 90-летию со дня рождения И. М. Москвина

«БЕЗ поэзии нет искусства. Но если бы искусством занимались мелочно, если бы актерские индивидуальности были крохотные, не способные на яркую, выразительную типизацию, вероятно, искусство таких актеров осталось бы на земле. А когда Москвин играет Епиходова или Опискина, — я уже не говорю о драме Мочалки или о царе Федоре — моя мысль поднимается до тех высот, для которых существует искусство».

Это высказывание Вл. И. Немировича-Данченко взял эпиграфом к своей книге, посвященной творчеству Москвина, В. Виленикин. Действительно, если бы в полувековом послужном списке Москвина значилась лишь роль Федора, то только за нее актер по праву должен был быть причисленным к сонму великих. Всего 24 года было Москвину, когда впервые вышел он в этой роли на сцену Московского Художественного театра и не расставался с ней до последних лет жизни. Другая роль первостепенного значения — Лука-утешитель в горьковском «На дне» — также десятки лет сохранялась в его репертуаре.

Москвин был плоть от плоти русского национального искусства, его проникнутых гуманизмом демократических традиций. Подлинно национальный актер, он в созданных им образах раскрывал характер русского человека, проникая в сокровенное его души. Продолжая начатое в «Царе Федоре Иоанновиче», роль за ролью живописует Москвин типы и характеры людей дореволюционной России. Это Федор Протасов в «Живом трупе» Л. Н. Толстого, штабс-капитан в отставке Снегирев в инсценировке «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, трагикомический Епиходов из «Вишневого сада» А. П. Чехова. Ему принадлежат остросатири-

ческие образы Загорецкого в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, Голутвина в «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского, Прокофия Пазухина в «Смерти Пазухина» М. Е. Салтыкова-Щедрина, Фомы Опискина из «Села Степанчиково» по Ф. М. Достоевскому. Позднее галерея образов пополнилась Городничим, купцом-самодуром Хлыновым, Ноздревым...

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Москвин принял с открытым сердцем. Свой огромный опыт и талант он отдал служению советскому театру, искусству социалистического реализма. Он играл Пугачева в «Пугачевщине» К. Тренева, воинствующего мещанина Червакова в «Унтиловке» Л. Леонова, профессора Горностаева в «Любови Яровой» К. Тренева, в годы Великой Отечественной войны выступил в роли генерала Горлова в «Фронте» А. Корнейчука, а затем — командира-большевика Белоброва в «Офицере флота» А. Крона. Много и других ролей переиграл на своем веку замечательный актер в произведениях и русских, и зарубежных,

Москвин неотделим от МХАТа, одним из основателей, а впоследствии директором которого он являлся. Он был и выдающимся актером кинематографа. Еще в 1919 году он создал незабываемый образ Поликушки в одноименном фильме, позднее сыграл Самсона Вырина в «Коллежском регистраторе» по повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель», Червякова в фильме «Чины и люди». Был Москвин и замечательным чтецом, поражая глубиной проникновения в сущность исполняемого произведения.

Актер Москвин служил своему народу. И народ любил своего актера.

И. Ф.

Страницы архива

РУКОПИСНОЕ наследие Ивана Михайловича Москвина, хранящееся в Музее МХАТа, невелико — шесть записных книжек с беглыми записями внезапно возникших мыслей, заметки на случайных клочках бумаги и страницах учебных тетрадей об отдельных ролях и спектаклях МХАТа, черновые наброски творческих бесед и выступлений перед молодыми актерами, избирателями, театральной общественностью Москвы, участниками художественной самодеятельности, роли с пометками, письма. Это как бы раздурья о творческой судьбе родного Художественного театра, об искусстве актера.

Вот, например, записи: «Для актера и художников, особенно дорого связь с народом, без которой по-настоящему не может творить художник... Мы почувствовали, насколько близко и нужно народу искусство, полное глубокой идейности, простоты и правды».

Москвин был суров и безжалостен к малейшим проявлениям фальши на сцене. Перед нами программа спектакля «Забавный случай» Гольдони, показанного в Москве штиловским колхозным театром в 1936 году во время смотра колхозных театров Московской области. На обороте программы — замечания Ивана Михайловича об этом спектакле. Прославленный мастер сцены дал критический разбор игры самодеятельных артистов без каних бы то ни было «скидок» на их неопытность, и в этом проявилось чувство глубокого уважения Москвина к самодеятельному театру и его актерам: «...Все представляют, а не

живут. Мизансцены есть и неплохие, но артистами не обжиты... Из тысячи фраз сказано искренно два десятка... Если сыграть искренно, впечатление было бы в два раза больше».

...Израдно потрепанный блокнот. В нем беглые карандашные записи. Вот одна из них: «...Не отставать от жизни, расти как и страна — не по дням, а по часам. Ни одной постановки нельзя начать оторванной от внутренней жизни страны. Нельзя не прислушаться, чем страна живет, как она живет, что ее волнует».

А вот впервые публикуемая записи И. Москвина, сделанная им на обороте адресованного ему приглашения принять участие в одном из митингов.

«...Все в нашем искусстве должно быть ясно и просто по мысли, а всякая причудливая внешняя форма, придуманная ради оригинальности, не помогает, а развлекает зрителя и затемняет главную цель, ради которой играется спектакль». В этой записи как нельзя лучше выражен творческий принцип артиста-гражданина, которому он следовал всю свою жизнь.

Р. БРАЙНИНА.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

18 июня 1964 г.

3 стр.